

⁸ Там же.

⁹ *Kelera J.* Czy Rosja jest światem? // *Dialog*. 1994. N 9. S. 105.

¹⁰ Цит. по: [*Sugiera M.* *Dramaturgia Sławomira Mrożka*. wyd. 1. Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych UNIVERSITAS, 1996. S. 269].

¹¹ *Мрожек С.* Любовь в Крыму / Пер. Л. Бухова. М.: Иностранная литература, 1994. С. 25.

¹² Там же. С. 14.

¹³ Там же. С. 21.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Błoński J.* Wszystkie sztuki Sławomira Mrożka. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1995. S. 249.

¹⁶ *Ibid.* S. 252.

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *Lappo I.* Teatr Czechowa... S. 162.

¹⁹ *Stephan H.* Mrozek. Kraków: Wydawnictwo literackie, 1996. S. 227.

²⁰ *Ibid.* S. 262.

²¹ *Мрожек С.* Любовь... С. 32.

²² Там же. С. 76.

²³ *Stephan H.* Mrozek... S. 225.

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.3.05

Восприятие творчества Иржи Вайля в чешской критике: эволюция и трансформации

Анна Васильевна Грасько

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: anna-grasko@yandex.ru

Ключевые слова: Иржи Вайль, межвоенная литература, чешская литература, Советский Союз, коммунизм

Perception of Jiří Weil's work in Czech criticism: evolution and transformation

— Anna V. Grasko

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: anna-grasko@yandex.ru

Keywords: Jiří Weil, interwar literature, Czech literature, Soviet Union, communism

В творчестве чешского писателя Иржи Вайля (1900–1959) нашли отражение наиболее острые проблемы XX столетия — отношение к СССР и строящемуся коммунизму, преследование евреев во время Второй мировой войны. Эти темы в романах писателя неизбежно связаны с размышлениями о тоталитарных системах вообще, о человеке, оказавшемся внутри них. Именно эта причастность Вайля к «большой» истории и предпринятая им попытка анализа ключевых социальных и исторических противоречий эпохи неизменно вызывали интерес к его творчеству, однако вместе с тем провоцировали различные трактовки и интерпретации. Наиболее полемично в этом смысле его довоенное творчество, связанное с СССР (романы «Москва — граница»¹ и «Деревянная ложка»²). В нашей работе мы будем говорить о судьбе наиболее сложного произведения этого времени — романа «Москва — граница», изданного в 1937 г. в разгар сталинских репрессий и хорошо воссоздающего не только внешнюю, но и внутреннюю атмосферу Москвы 1930-х годов.

Об эстетической стороне романа в 1930-е гг. писали немного, роман в связи с его неоднородной формой относили к распространенной в это время литературе факта. Карел Сезима в «Народни листь» (*Národní listy*) утверждал, что «это форма репортажная, фактомонтажная»³, а в ежемесячнике «Люмир» (*Lumír*) добавлял, что Вайль больше свидетельству-

ет, чем творит, в его романе, по мнению критика, больше эмоциональных воспоминаний, нежели образов⁴. Вацлав Черны в газете «Лидове новины» (*Lidové noviny*) представлял роман как «три вырезки из жизни» и говорил, что произведение представляет собой «прежде всего документ или свидетельство»⁵. Литературный критик, специалист по русской литературе Богумил Матезиус в своей рецензии отмечал, что речь идет о первой попытке автора писать в эпическом жанре и называет «Москву — границу» «полуроманом».

Однако большая часть критиков сосредоточилась не на эстетической форме романа, а на интерпретации его фактического и идеологического содержания. Роман этими критиками был воспринят как «источник информации о Советской России», почти репортаж об СССР в рамках других издававшихся в это время репортажей чешских авторов (тексты М. Майоровой, В. Незвала, И. Ольбрахта, Ю. Фучика и др.). Также роман ставился в ряд с текстами Андре Жида («Возвращение из СССР»), Луи-Фердинанда Селина («Моя вина»). Карел Сезима, описывая роман, говорил, что это первая попытка «учения о современной России», где «русская реальность изображена в перспективе нашего человека, западника»⁶.

В целом интерпретация романа зависела от политических убеждений критиков. Непроясненность авторского взгляда, нежелание Вайля пользоваться черно-белой оценочностью при описании Страны Советов сделала роман Вайля уязвимым для критиков-коммунистов и удобным для критиков-интерпретаторов. Критики-коммунисты (Ю. Фучик, Й. Рыбак и др.) в большинстве своем восприняли роман Вайля как антисоветский, порицали слабого безвольного героя Яна Фишера, которого не без оснований открыто сопоставляли с автором.

Так, Юлиус Фучик, для которого Вайль и Фишер были тождественны, обвинял автора (героя), считал его «обыкновенным мелким стукачом»: «И исключен был без особенных ярких сцен, и никто его не проклинал, не плевал ему вслед, не называл врагом народа⁷ [...] Сошлись товарищи и ска-

зали ему просто по-человечески: ты бедный мещанин, которому не место в партии, которая требует людей цельных, сознательных, с твердым характером и ясной волей». Другой критик-коммунист, Йозеф Рыбак, довольно резко отзываясь и о самом Вайле, в официальной коммунистической газете «Руде право» (*Rudé právo*) писал, что в романе изложена концепция политическая, противосоветская, реакционерская, а главный герой — «лентяй, не интересующийся ничем личным, чужой всему великому, что происходит в СССР, отлынивающий от работы»⁸. Однако даже в среде чешских коммунистов не было единства в оценке романа — так, например, Ян Бухар воспринял роман как свидетельство о том, как в СССР появился особый азиатский социализм, не соответствующий изначально высокой идее.

Интерпретаторы и демократы, противники коммунистических идей, также видели в романе осуждение советской действительности, подчеркивали, но теперь уже со знаком плюс, разочарование автора в советском мире, писали о том, что главной темой романа является конфликт личности и тоталитаризма. Эту проблему советской действительности, отмеченную Вайлем, на первый план выдвигали и во время либеральных преобразований в 1968 г., когда готовилось (несостоявшееся) переиздание романа, которому в то время приписывали либеральный пафос, говорили о том, что он посвящен «деформациям социализма» и показывает ту искаженную форму русского азиатского коммунизма, из-под власти которого стремится выйти Чехословакия. Похожая реакция, еще более открытая, без оговорок, что это все-таки не анти-советский роман, последовала после переиздания романа в 1990-е гг., когда эмоциональное восприятие исторических событий подталкивало к новой идеологизированной, упрощенной интерпретации. Так, например, Владимир Новотный в газете «Млада фронта днес» (*Mladá fronta dnes*) писал, что Вайлю удалось верно отразить «ужасный абсурдный механизм партийной администрации, управляемой тираном и его пособниками»⁹. Справедливости ради нужно отметить, что в последние 30 лет в Чехии появились и менее политизи-

рованные научные высказывания, и даже целые работы, посвященные Вайлю, его биографии и творчеству. Здесь нужно отметить таких исследователей, как Алиса Едличкова, Йозеф Вогрызек, Ярослав Крыл, Яна Шефчикова, Маркета Киттлова.

Характерно, что сам Вайль едва ли считал свой роман антисоветским. Еще будучи в СССР, он писал Я. Вондрачковой, что хотел бы, когда вернется домой, создать роман «о жизни иностранцев в Москве и о строительстве Метро-строя»¹⁰. В своей рецензии он так определяет главную тему романа: «Роман “Москва — граница” рассказывает о великой Стране Советов в годы второй пятилетки (год 1933 и 1934)»¹¹. В этой же рецензии Вайль подчеркивал, что «только человек, ослепленный сумасшедшей ненавистью, не увидит в Советском Союзе светлые стороны»¹². В то же время Вайль понимал, что его роман отличается от гимнов СССР, написанных его современниками. В той же рецензии он объясняет свой критический взгляд на СССР: «Однако я бы написал плохой роман, если бы изображал только светлые стороны. Мой роман тогда бы уподобился заказным романам, которые по праву осуждает советская критика»¹³.

Как видим, сам И. Вайль был далек от резкого осуждения СССР, и его роман трудно интерпретировать только в этом ключе. Поэтому нам кажется, что гораздо ближе к истине те исследователи, которые улавливают и учитывают всю его сложность. Так, например, К.Й. Бенеш, автор первой рецензии на книгу Вайля, отмечает, что этот роман с одинаковым интересом могут читать и противники, и сторонники СССР, так как он лишен какой-либо тенденциозности: «Чувство критически настроенного западноевропейского человека переплетается в романе Вайля с не менее впечатляющим и страстным прославлением советского строительства нового мира»¹⁴. Еще один критик, Богумил Матезиус, выдвигает свою интерпретацию, говоря о «сопротивлении материала» в романе. По его мнению, Вайль хотел написать роман не порицающий, а скорее прославляющий СССР, но сам материал взбунтовался против автора: «моральное отношение автора к его роману перевесило его интеллектуальное намерение»¹⁵.

Современная исследовательница Алица Едличкова (1991 г.) отмечала, что речь шла «об идеалах, в правду которых Вайль, очевидно, никогда не переставал верить в их “изначальном”, чистом, “неиспорченном” виде, не нарушенном властными интересами амбициозных лидеров и “лжепророков”»¹⁶.

В данный момент мы видим, что творчество Иржи Вайля приобрело популярность, по крайней мере, в академических кругах. Можно сказать, что в Чехии сейчас делается попытка «собрать» образ Вайля — объединить его межвоенное творчество, связанное с размышлениями о коммунизме, и послевоенное, в котором он обращается к теме геноцида, еще раз уже с более отстраненной независимой позиции оценить его вклад в чешскую литературу. Это подтверждают не только современные статьи и научные диссертации, посвященные Вайлю, но также проект издательства «Триада» (*Triáda*) по переизданию наследия автора в тринадцати томах, осуществляемый при поддержке европейских фондов и Чешской академии наук.

Примечания

- ¹ *Вайль И.* Москва-граница / Перевод с чешского Ю.В. Преснякова. М.: МИК, 2002.
- ² *Weil J.* Dřevěná lžíce. Praha: Mladá fronta, 1992.
- ³ *Kosáková H., Kosák M.* Ediční poznámka // Jiří Weil Moskva-hranice. Praha: Triáda, 2021. S. 396.
- ⁴ Ibid.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ Ibid. S. 397.
- ⁷ Ibid. S. 399.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Ibid. S. 404.
- ¹⁰ *Vondráčková J.* Mrazilo-tálo (O Jiřím Weilovi) / Praha: Torst, 2014. S. 373.
- ¹¹ Ibid. S. 84.
- ¹² Ibid. S. 85.
- ¹³ *Kosáková H., Kosák M.* Ediční poznámka // Jiří Weil Moskva-hranice. Praha: Triáda, 2021. S. 384.
- ¹⁴ Ibid. S. 376.
- ¹⁵ Ibid. S. 398.
- ¹⁶ Ibid. S. 405.